

О книгах на идиш в Эстонии и о Паенсоне

[Сокр. вариант. Пропуски в тексте отмечены знаком (...) М.Р.]

Перевод с эстонского Инны Теплицкой с последующей редакцией автора.

В Тарту у меня разболелся зуб. Рувен Сиротинский, родом из Даугавпилса, студент ветеринарного факультета (позднее – главный ветеринарный врач Иерусалима), привел меня к зубному врачу Якову Паенсону, принимавшему в кабинете на углу улицы Рюютли и Ратушной площади. Паенсон родом из Риги, очень образованный и общественно активный человек, основательно прочитавший на немецком языке европейских философов, а также

много произведений художественной литературы на русском языке и идише. Он участвовал в театральной самодеятельности «Русского демократического общества». Когда я с ним познакомился, его «русский период» в Тарту уже прошел. Он был членом учредительной комиссии Еврейской автономии, боролся за создание еврейских школ, где преподавание велось бы на идише, хотя он и не был узколобым «бундовцем».

Зубной врач начал мне объяснять причины моей боли на безупречном идише, что было в Тарту и, наверное, вообще в Эстонии редкостью. Я ответил врачу, что зуб меня интересует постольку поскольку он находится в моем рту. Он ответил - «Ага, значит Вы узкий специалист». Паенсон стал расспрашивать, чему я учусь, знаком ли я с литературой на идише и т.д. Честно признаться, я новую литературу тогда не читал. Он вышел в комнату ожидания и принес мне из шкафа несколько книг на идише, объяснив, почему мне бы стоило их прочесть.

Я узнал, что для распространения литературы на идише он основал общество «Лихт» («Свет») и библиотеку. Паенсон следил за появлением новых книг и был связан с издательствами в Польше. Он заказывал книги, убеждая знакомых евреев, особенно членов студенческих обществ, покупать книги, чтобы поддерживать писателей и распространять идишистскую культуру. Эта деятельность заслуживала признания и похвалы, так как не была бизнесом, а только личным увлечением Паенсона. Его посещали еврейские писатели из-за границы, например, Ицик Мангер. Нельзя сказать, что за эту деятельность он заслужил особый почет. В еврейском обществе

оценка заслуг человека обычно происходит после его смерти. В данном случае уже не осталось в живых кого-то из тех, кто мог бы сказать о нем доброе слово.

В Эстонии не было еврейского книжного магазина. Ближайшие и наиболее крупные принадлежали Шерешевскому в Риге и Мирману в Даугавпилсе. Но там обычно продавались сочинения раввинов, Библии с комментариями, молитвенники (махзор, сидур), календари, школьные учебники и немного художественных произведений по-еврейски, а также восковые свечи. Благодаря Паенсону, в Тарту и Таллинне скопилось много еврейских книг на немецком языке и на идише, гораздо больше, чем в Латвии, где евреев было гораздо больше. В Риге издавались несколько газет, разных партий, например, «Фриморген» и «Моргенпост», в Каунасе – «Идише штимме» и др., в которых для привлечения читателей давалась информация и о жизни евреев Эстонии. Книги на идише печатались в Польше, в Варшаве, Вильно, Румынии, меньше – в США и Южной Америке, а также в СССР, где из-за советской реформы правописания и цензуры они за границу редко попадали и выходили в свет преимущественно в пропагандистских целях.

Книги на идише заказывал и распространял в Эстонии только Паенсон. Я стал брать у него новинки, вскоре втянулся в чтение этой литературы, язык идиш я знал. Влияние Паенсона, человека, популярного в Эстонии и остроумного собеседника, объясняется и тем, что он знал множество еврейских анекдотов. С его слов их записывали студенты изучавшие фольклор в семинаре профессора Вальтера Андерсона, который и сам хорошо владел языком идиш. Эти

записи сохранились в Эстонском фольклорном архиве в еврейском фонде. в Тарту. Паенсон пропагандировал всячески и успешно серьезную идиш литературу.

Для меня наши всегда содержательные беседы в зубо врачебном кабинете или в столовой за большим столом были особенно полезны.. Он редко выступал с лекциями, критически оценивающими новые произведения, из-за малого числа равных ему по образованию и интересам слушателей. Статей он, к сожалению, не писал, но серьезную переписку вел, телефона у него не было.

Он дал мне ключ от входа в дом, чтобы я мог в любое время к нему прийти на второй этаж. Если я 2-3 дня не появлялся к ужину, особенно по субботам, он присылал ко мне курьера (Дунаева) с письмом. К сожалению, эти интересные письма погибли в 1941 году. Вероятно, я был единственным его собеседником, потому что другие евреи в Тарту были довольно слабы в культуре своего народа. Одним словом, я стал как бы членом его семьи. У него была очень интеллигентная жена и две дочери. Старшая – Шуламис (Лами) – училась в немецкой гимназии. Намного младше ее – Йоэлит (имя дано в честь иерусалимской актрисы, которая в то время гастролировала в Тарту с Давидом Варди, я их видел и слушал в Даугавпилсе). Иоли училась в эстонской школе для девочек. Я стал их старшим братом с прозвищем «Авимелех» (персонаж шуточной песенки, которая нравилась Лами. За столом я охотно чистил для всех кильки. Иоли невысокого роста, ученица младших классов садилась верхом на мое колено и совала мне в ухо соломинку, чтобы проверить как долго я смогу это терпеть - кстати она стала хорошим ларинголом. Я был

первым, кто пригласил ее пить молоко в кондитерскую лавку. Посещать кафе без сопровождения взрослых было запрещено школьным уставом.

Так как еврейская школа, за создание которой боролся Паенсон, его не удовлетворяла, девочек частным образом учили писать на идише. Это – типичное несоответствие. В идишском и ивритском отделениях еврейской школы было мало учеников, тем не менее, преподавание было слабым, что способствовало ассимиляции или интеграции, а на самом деле лишь культурному сближению людей в Эстонии на почве владения эстонским языком. {Слово «гой» - «чужак, инородец» в лексиконе Паенсона, как и у эстонских евреев, не фигурировало. В Латвии и Литве положение было противоположным – государственные языки оставались для большинства евреев чужими, не умели даже писать на этих языках. {Для различения людей там использовались этнонимы – например, дайч, лэтт, поляк, тэрк (немец, латыш, поляк, турок)}. Эстонцев русские называли «чухон», а евреи хон, крестьян называли поер с немецкого бауэр, а во множественном числе с древнееврейским окончанием «им». В Эстонии термина для дворян не было, а в эстонском «сакс» означает этноним немец, саксонец и сословие. В то же время в Литве и Польше пользовались словом «пориц», во мн.ч. «прицим». По этому поводу культурологам есть над чем задуматься}.

Кстати в ЭР браки между евреями и эстонцами заключались крайне редко, и не из-за различий веры, а скорее, на почве разного социального положения или политических взглядов. Смешанные

браки участились в Советской Эстонии под влиянием упрощенческих и уравнилельных тенденций.

Еврейской общине стоило бы основательно изучить и публично обсудить это социально-психологическое явление. Оправданной была бы и специальная конференция Прибалтийских еврейских общин.

К сожалению, у Паенсона обнаружили раковую опухоль. Когда началась война, его зять Миша Свердлов (он тогда был Первым секретарем комсомольской организации в Тарту, позаботился об эвакуации всей семьи в тыл. Им предстояло плыть пароходом в сторону Пскова. Паенсон с ними не поехал, убежденный, что скоро умрет, он не хотел быть обузой семье.

Когда я 2 июля 1941 г. получил в университете временное свидетельство об окончании учебы, я отправился к Якову и нашел его сидящим в своей лодке недалеко от Каменного моста. Мало кто из евреев был таким страстным рыбаком, как он. Он дал мне удочку, и я тут же вытащил сразу две рыбки. Он сказал что это хорошая примета. Я попрощался с ним и отправился к невропатологу Моше Лapidусу, давнему знакомому моего отца. Вместе с женой он складывал вещи для эвакуации, которая ему полагалась как врачу поликлиники МВД ЭССР. Он подарил мне не поместившийся в багаж набор металлических рюмок, посоветовал их сдать в ломбард так как я нуждался в деньгах. Будучи долгие годы студентом, Моше вынужден был прерывать учебу, чтобы материально помогать своей семье в Дагде (Латвия), Лapidус всегда жил в нужде . Он был единственным кто подумал о том как я буду существовать в советских условиях. {После войны я узнал от допрашивающего меня

офицера КГБ, что Лapidус продолжает, как и прежде, работать врачом. Разумеется, они обо мне говорили. Когда меня выпустили из тюрьмы за то что остался жив, офицер дал мне адрес Лapidуса в Таллине. Я старался держаться в стороне от довоенных знакомых что бы их не скомпрометировать за знакомство с сомнительной личностью - остался в Эстонии и чудом выжил. Но с Лapidусом встретился, и он предложил мне ночевать хотя знал что я был арестован и освобожден. Может быть, он даже сыграл в этом положительную роль. Он был очень честный и опытный человек и, как выяснилось вскоре, смелый, несмотря на то, что работал в поликлинике КГБ. Он говорил мне, что разочаровался в социализме, когда в России столкнулся с реальностями. Мы снова стали друзьями. В «Ферейне», нашем «академическом обществе», он был старшим – Мойше Первым. Приятель наш юрист таллинец Шер (он был социалистом, а следовательно якобы врагом СССР, был сослан, хотя с детства был инвалидом. Он пробыл в лагере до конца войны), был Моше Вторым. А Моше Третьим был тартуский студент Свердлов, изучавший в университете сельское хозяйство, ярый сионист, мечтавший участвовать в создании Еврейского государства в Палестине. Об

этом довоенном моем друге я еще расскажу. Его биография очень поучительна, и имеет непосредственное отношение к рассказу, так как еще до войны, на заре советской сумрачной эпохи в Эстонии, он стал зятем Паенсона.

Друг семьи Паенсонов госпожа Юргенсон ухаживала в своей квартире за больным Яковом до самой его смерти в октябре. Очевидно, он был тогда последним тартуским евреем. Его похоронили на кладбище рядом с могилами Юргенсонов и поставили солидный памятник. После войны семья Паенсонов вернулась в Тарту. Они удалили памятник Якову, потому, что на памятнике был крест рядом с именем и фамилией Паенсона. Мать Якова до войны долго болела. Ухаживала за ней преданная домработница. Когда мать умерла, брат Якова приехал из Риги и похоронил ее на Еврейском кладбище. Ведь можно же было похоронить Якова рядом с матерью. Но вряд ли госпожа Юргенсон знала местонахождение могилы матери Якова, кроме того, очевидно, было опасно в условиях немецкой оккупации похоронить кого-то на еврейском кладбище. Не исключено, что перед смертью Паенсона крестили дабы разрешили похоронить еврея на христианском кладбище, впрочем думаю, что под влиянием философов Спинозы, Гегеля и частично Мендельсона он был к этому готов, во всяком случае, верующим евреем он никогда не был и в синагогу не ходил.

Его вдову я по-родственному звал «муминьке» на идише – «тетенька», что не нравилось ее зятю Фрицу Маркусасу, спортивному врачу, родом из Берлина, мужу Йоли. Он был немецким антифашистом, поддерживал Советскую власть и даже воевал в Красной Армии, но в еврейской культуре разбирался мало. Так вот

старая госпожа Паенсон, жившая более ста лет, ее дочери и зятя (в то время коммунисты) решили с могилой Якова поступить по-другому. Они оставили от памятника только основание и прикрепили небольшую мраморную пластинку с фамилией. Теперь могила Якова оказалась напротив захоронения Мазинга, около часовни. Госпожа Юргенсон очень надеялась, что Паенсоны найдут могилу Якова, расположенную на видном месте, и будут содержать ее в порядке.

Жизнь Паенсона очень поучительна. Еврейские общины в Тарту и Таллинне не интересуются своими предками, хотя кладбища содержатся в порядке. О своих родственниках, живших и умерших, а также убитых, не упоминается даже в ежемесячнике «Хашахар» (что на иврите значит «Заря», хотя по существу более подходило бы название «Сумерки»), выходящем на русском языке и стиле, на средства американской организации с кратким названием «Джойнт» - [т.е. объединенные общества помощи, которую в советской печати обзывали главным центром империалистической разведки]. Их эмиссары ныне активно распространяют в Эстонии и других странах чуждые здесь набожность и, довольно поверхностно, хасидские , вероучения и некий светский сионизм израильского периода вперемешку с фундаменталистским воспитанием молодежи.

Паенсон был передовым евреем , он еще видел б у д у щ е е языка идиш в Палестине и его настоящее – в Латвии, где он родился и в Эстонии – где жил. Теперь на идише здесь не говорят. Только недавно, в 2007 г., прежний гражданин Эстонии господин Марк Рыбак из Израиля (который со мной с удовольствием разговаривает по-эстонски) начал создавать в Таллинне Еврейский музей. Эстонцам

чужды российские евреи, которых за границей называют «русскими», но сами они себя считают евреями, хотя не знают ни еврейского (как и эстонского) языка, ни культуры. Поэтому полагаю, что для основательного просвещения евреев требуются еще и другие средства. Можно лишь надеяться, что этот вновь созданный музей, который еще в 30-х годах пытался частным образом создать в Тарту Носсон Генс, станет наконец очагом местной культуры для всех интересующихся еврейской историей.

У Паенсонов, как и у меня, есть определенное место скорьби на тартуском кладбище. Над могилой Уку и Эха Мазинг прошу для удобрения растущих там цветов рассыпать золу моего праха.

Для евреев, оставшихся в Эстонии под немецкой оккупацией, нет могил, куда бы близкие люди могли прийти для поминовения.. Их убили осенью 1941 г. у противотанкового рва, засыпав, очевидно, голые трупы землей. [Среди убитых тогда была семья профессора Гульковича, вероятно некоторые его верные ученики, а также преподаватель чешского языка доктор Зильберштейн]. Скоро не останется ни их сверстников, ни родственников, которые могли бы их вспомнить.

О еврейских книгах

Сохранились библиотеки еврейских общин студенческих организаций конфискованные советской властью в 1940 г., а также собрания книг (купленных через Паенсона) евреями, которых в июне 1941 г. сослали из Эстонии. Эти книги попали в Университетскую библиотеку в Тарту, как и литература, конфискованная в 1942 г.

немцами [например, рукописи и личная библиотека Гулковича и др.]. Книги убитых евреев тоже хранятся в этой библиотеке.

Здесь не лишним будет сказать, что в библиотеке ТУ находится также богатая коллекция книг на идиш таллиннца Халбрейха, сосланного в Сибирь и ценное собрание книг по искусству Юлиуса Генса, конфискованные в 1942 г. немецким «Штабом Розенберга». Эта нацистская организация, названная по имени печально известного таллинца, балтийского немца, Розенберга, [который стал в Германии главным идеологом нацистской партии (NSDAP)], прибрала все к своим рукам. Люди Розенберга начали с того, что изъяли из библиотеки ТУ докторскую диссертацию Геббельса о немецком литературном романтизме, изданную в Геттингене, она уже не соответствовала идеологии заместителя Гитлера.

Штабу Розенберга нужен был каталог конфискованных книг. Для его создания привлекли Уку Мазинга, который владел еврейскими, арамейским, персидским, арабским, эфиопским и другими языками, а также Пауля Аристэ, знавшего язык идиш. Они начали составлять каталог еврейских книг, очевидно предназначенных для отправки в Германию.

Некоторые из этих книг они взяли себе. [Аристэ отдал Мазингу изданную в Тарту в типографии Зельмановича книжку «Академического общества по изучению еврейской истории и литературы». Этот студенческий песенник у Аристэ уже был – соответствующую пометку на идише Аристэ сделал на книге

карандашом. Этот экземпляр теперь у меня. В Германии я об этом читал лекцию].

Уку Маазинг сохранил и отдал потом владельцу иллюстрированные альбомы еврейских художников, принадлежавшие ранее любителю искусства Юлиусу Генсу, который с благодарностью увез их в Таллинн.

Каталогизация книг для штаба Розенберга не была закончена, но книги остались в университетской библиотеке, директор которой хотел получить их список. С этой целью наняли тартуского еврея Мовшу Михельсона, когда-то учившегося в еврейской начальной школе, но у него не хватило для этого образования.

Позднее в Дюссельдорфском Университете им. Гейне, где занимались идишем, я на годовой конференции обратился к студентам с призывом помочь в создании для университетской библиотек Тарту каталога книг на идиш. Желавших не нашлось, потому что руководители идишских кафедр не поняли важности этого дела. В Эстонии больше не осталось людей, знающих идиш в достаточной мере. Правда, в Эстонии имеется несколько общин (две - одна светская, другая религиозная – в Таллинне), которые были бы вправе требовать из университетской библиотеки конфискованную литературу. Очевидно, к этому просто нет интереса, так как большинство евреев составляют «русские», не умеющие читать на иврите или идише.

Здесь уместно сказать, что промышленник Халбрейх, вернувшийся после войны из сибирской ссылки в Эстонию, пожелал, чтобы ему вернули отобранную у него библиотеку. У него даже был влиятельный покровитель Идель Якобсон {который сидел в эстонской тюрьме за подпольную коммунистическую деятельность, а позднее стал одним из начальников госбезопасности}. Капиталист Халбрейх тогда содержал семью коммуниста Якобсона. Халбрейха с женой сослали в Сибирь, но все обошлось благополучно. Он работал часовым мастером, частным образом делал кремни для зажигалок, которые были в дефиците. Вернувшись в Таллинн, он на ул. Виру чинил часы и получил половину приличной квартиры.

Халбрейх был страстным любителем еврейской литературы на идише, через Паенсона он покупал все, что выходило в свет в 20-30-е гг. Вернувшись из ссылки он обратился к ректору ТГУ с просьбой вернуть ему конфискованные книги. Сверху ректору намекнули, что просьбу можно удовлетворить, но все книги оказались в «спецфонде» запрещенных книг.

Такие спецотделы имелись в каждом большом учреждении и не подчинялись директору. Халбрейх уполномочил меня получить полагающиеся ему книги. Спецфондом, как выяснилось, заведовал товарищ Сыщиков, {очень подходящее для этого имя. Он шутил, что хочет его эстонизировать на «Нухисте», что означает сыщик». И, правда, в 1940 г. он служил в ГБ, возможно, переводчиком, т.к. жителей знал хорошо. {Однажды в 1938 г. я был гостем его матери и там познакомился с ним. Мама сочинила книгу о латышских стрелках, она была «красная» латышская писательница. По совету

Паенсона, она попросила меня прочесть рукопись, , говорили мы по-латышски}. Сыщиков был избран депутатом от г. Печоры в Народное собрание, впоследствии ставшее Верховным Советом ЭССР. Разумеется, его родителей эвакуировали в Россию. Во время войны он получал депутатскую зарплату и льготы. Очевидно, он был очень ленивым человеком, привыкшим к комфорту, зубоскал и циник, что не к лицу было «ответственным работникам». В войну кажется наград не получил. Из органов безопасности его вскоре уволили, но считали «благонадежным советским человеком». Чаще всего он проводил время в кафе, играя в шахматы с господином Лабинагом.

[Если читать это имя справа налево, то по-русски получается «Ганибал», как у того эфиопа, арапа Петра Великого, которого царь где-то подобрал, привез домой и воспитал военным. Его потомком явился поэт Пушкин. У Ганибалов было большое наследственное имение, пожалованное царем, недалеко от Пскова. В революционной обстановке офицер Ганибал оказался в Тарту, потеряв при этом наследство. Он был очень беден, поэтому изменил свое знатное имя на «Лабинаг», что, впрочем, не являлось секретом.]

Итак, я обратился к Сыщикову в спецотдел по поводу книг Халбрейха. Он просил дать разъяснение по каждой книге, на которой уже стоял экслибрис университетской библиотеки. Я всячески пытался спасти хоть какие-то произведения художественной литературы, но и у советской власти были свои списки запрещенной литературы.

Имена дореволюционных сионистских деятелей были уже давно под запретом, как и имена казненных троцкистов. Не выдали библию на

идиш, в традиционном, очень ценном в языковом отношении, переводе Йехойоша, т.к. это религиозная книга. Библия вредна для народа, и опасна даже в случае незнания языка...

В спецотделе я видел, как книги рубили топором, превращая их в макулатуру для отправки на Ряпинскую бумажную фабрику. {Палачом являлся господин Воолайне, ранее занимавшийся сбором эстонской народной поэзии. Это его новое занятие было ему явно не по вкусу. Он незаметно сунул мне в руки некоторые экземпляры книг Андерсона и Гулковича, зная, что я фольклорист. Подпольной торговлей запрещенных книг спецотдел тогда еще не занимался}.

В конце концов, мне выдали под расписку порядочно книг с грифом «Только для чтения владельцем», и я отвез их в Таллинн. В знак благодарности я получил от владельца в подарок десяток томов сочинений Шалома Аша. {Я бы хотел теперь подарить эти книги обратно тартуской библиотеке, как я начал поступать со своей личной библиотекой. Наследников или родственников у меня нет, у моих учеников теперь другие интересы, да и идиша они не знают}.

Когда Халбрейх умер, его вдове разрешили уехать к сыну в Англию, где он учился или уже работал как историк в университете. Госпожа Халбрейх уехала легально, увезя часть книг с собой. Какова будет их судьба – не представляю себе.

У языка идиш будущего нет. В библиотеке Тартуского университета имеется уникальное собрание литературы на идиш, но знающих людей нет и никто этим не интересуется.

Исключение составляет приехавшая из Ленинграда женщина по фамилии Вершик, которая поступила в ТГУ изучать эстонский язык. Случай весьма редкий для студентов неэстонского происхождения. - Для них существовали русские отделения, куда желающие могли поступить, не давая взятки! и по небольшому конкурсу. Знание эстонского языка для них было не обязательным. В новой Эстонской республике у госпожи Вершик появилась охота защитить докторскую диссертацию, но не по изучаемой специальности или общему языкознанию, а по языку идиш, который в университете она не изучала, но, может быть, говорила ее бабушка в Ленинграде..

(.....)

В 18 в. в Эстонии селились отдельные евреи из России (не из Курляндии или вообще Балтийских земель). После долгих лет службы в царской армии [в течение которой и эстонцы забывали родной язык] евреям, в виде исключения, разрешали селиться в Эстляндской губернии. Они обычно находили себе жен из недалекого Якобштадтского уезда Курляндской губернии . Позднее в Тарту поселились евреи из Лифляндии и Латгалии (это ныне Латвия), а также из Литвы и Белоруссии. Их семьи во втором и третьем поколении дома говорили на смешанном идише, переходя на немецкий или реже русский язык. Вершик могла слышать идиш у эстонских евреев, которые его понимали с детства, но едва ли пользовались им во время войны или по возвращении в Эстонию после войны.

Собеседниками Вершик, домашний язык которой в Ленинграде не был идиш, являлись евреи старше 50-60 лет. Так что объект ее исследования был сомнительным.

(.....)

P.S. В Тартуском университете провалили защиту докторской диссертации «Об отношениях Пушкина и Э.Т.А. Гофмана». В своем выступлении из публики, Вальтер Андерсон доказал, что диссертант не читал определенное сочинение Гофмана в оригинале, на немецком языке, а только в русском переводе. Уже этого хватило, чтобы оценка диссертации ученым советом была негативной. Теперь симулирование языковой компетентности, даже в ТУ, стало возможным и терпимым. O, tempora, o mores!

Когда я в 1938 г. ездил в Польшу в Вилнский еврейский институт JIWO, директор этого единственного в своем роде учреждения, доктор Макс Вейнрейх предложил мне по окончании занятий у Вальтера Андерсона принять в его институте заведование отделом фольклора. В Ученых записках института ранее вышла статья моего учителя на идише об одной еврейской народной песне о мобилизации, в которой он показал, как надо исследовать такие песни. О лучшей рекомендации для поступления на работу в ИВО я не мог и мечтать.

В связи с этим предложением я начал активно изучать польский язык у преподавателя Тартуского университета Ержи Каплинского, так как в Польше тогда еще жили около 3 млн. евреев, которые думали,

говорили и создавали литературу на идише, в которой чувствовалось польское языковое влияние. Знание этого языка очень пригодилось, когда меня, вместе с другими товарищами по несчастью, перевезли из таллиннской батарейной тюрьмы в штутгофский концлагерь.

В 2007 г. я посетил институт JIWO в Нью-Йорке, куда Вейнрейху удалось спасти от уничтожения много материалов из Вильнюса. Профессионально документированного фольклорного архива даже в Нью-Йоркском институте пока не имеется. В качестве члена "Wissenschaftskolleg zu Berlin" я разработал систему аналитической документации народной культуры идиш, в надежде, что в Страсбурге будет создан планируемый Центр материалов на идиш. Теперь в рамках Европейского Союза это было бы легче осуществить в балтийских странах и тогда Эстония, на базе упомянутых книжных коллекций, личной библиотеки убиенного Гулковича и еврейского фонда Эстонского Фольклорного архива, через Тартуский университет, могла бы внести весомый вклад.